

Города Руси

Григорий Емельянов,
Наталья Емельянова

КОСТРОМА: ЦАРСТВЕННАЯ И ДУШЕВНАЯ

Кострома — младшая сестрёнка Москвы. Один «папа» — Юрий Долгорукий, год основания — 1152. Год условный, как это всегда бывает со старинными городами. Но, по крайней мере, никто ещё не придумал ничего лучше этой даты, предложенной историком Татищевым. Спорная она, может, и спорная, но другие версии ещё более сомнительны.

Лежит Кострома в самом сердце мерянской земли, там, где великая река делит её надвое — на Заволжье и, выразимся так, «Предволжье». И в названии слышится что-то мерянское, благо других «ма» в округе в достатке — Кохма, Кинешма, Чухлома... Вот только корень *костр-* не типичен для финно-угорского языка, и исследователи полагают, что барышня всё-таки русская. Известно ведь, что исконная Кострома — это соломенная куколка, ровесница славянских языческих богов, близ-

кая родственница широко известной Масленицы. Только ту сжигали, а эту спускали по воде, у Даля: «При встрече страдных работ, прощаясь с хороводами (на Всесвятской, в воскресенье пред Петровым постом, в русальное заговенье), хоронят Кострому, топят в Оке (Даль указывал слово «Кострома» как характерное для Владимирской и Муромской земли — авт.), а где её нет, в речке или озере. Часть провожан плачут и причитают, жалея Кострому и не давая её в обиду, прочие, с грубыми остротами, продолжают своё; спровадив Кострому, пьют и веселятся в последний раз до осеня, до уборки хлеба». А вот у него же, вообще экзот: «Игра: баба, среди ребятишек, названная Костромой, сказывается мёртвою, а потом вдруг вскакивает и распугивает ребят». В общем, персонаж из восточнославянской мифологии, хтонический и сугубо карнавальный, как и положено в народных низовых культах.

Древняя история и небесные заступники

На заре своей истории Кострома (город, а не кукла) была ещё более медвежьим углом, чем даже медвежий Ярославль. Крепостца на полпути в глухие северя попадала преимущественно в локальные сводки, то есть, простите, летописи. Четыре года, правда, была де-факто русской столицей: в 1272 году здешний князь Василий Ярославович (брат Александра Невского) получил Великое княжение Владимирское, да во Владимир не поехал — остался в Костроме до своей смерти в 1276-м. В XIV веке город быстро и бескровно вошёл в состав Московского княжества, отправил свою дружину на Куликово поле, а два года спустя именно в Костроме Дмитрий Донской отсиживался, пока Тохтамыш в порядке показательной порки сжигал Москву.

Своей небесной заступницей костромичи считают саму Богородицу, зримым воплощением этого заступничества — чудотворную икону Фёдоровской Богоматери. С историей её обретения много неясностей, связана она то ли с уже знакомым нам Василием Ярославовичем, то ли с его легендарно-мифическим тезкой Василием Квашней. И произошла, соответственно, то ли в 1262 году, то ли в 1239-м. В остальном две истории повторяют друг друга практически слово в слово (это

позволяет предположить, что произошла обычная путаница при попытке объединить летопись и легенду): икону нашли висящей на дереве у реки Запрудня недалеко от Костромы и перенесли в город, в Успенский собор (сейчас, за сносом одного при большевиках, Фёдоровская пребывает в Богоявленском монастыре).

Практически сразу икона показала себя чудотворной. С ней народное предание связывает победу костромской рати в битве при Святом озере — это у западной границы города. Примерно в 1262 году (о точной дате единого мнения нет) сюда подошли татарские орды, с вполне очевидной исторической миссией. Непокорная Кострома решила встечать врага в поле, не дожидаясь, пока тумены дошагают до самых крепостных стен. Василий Ярославович собрал небольшую дружину, надеясь повторить уже опробованную тактику своего знаменитого брата — сдерживая пехотой вражеский натиск, ударить во фланг засадным полком. Силы, впрочем, были заведомо неравны. И «для поднятия боевого духа» князь взял с собой на битву Фёдоровскую икону. Дальше слово автору иеродьякону Ипатьевского монастыря Лонгину:

«...И внезапно от чудотворного образа Пресвятыя Богородицы возняша божественныя и пресветлыя лучи, паче солнечных луч и аки

ГОРОДА РУСИ

огнь попяляюци и нападающа на них и пожигая татарския полки, и от того озарения и луч божественных и от паления, вси противный полки смятошася, и мнози от них ослепоша и друг друга не познаша и вниде в них страх и трепет, и оружие вниде и сердце их и луцы их сокрушишася»...

Что не доделала паника, охватившая неприятельское войско, успешно довершила костромская рать.

Колыбель Романовых. Жизнь за царя

Прошло без малого 350 лет, и на том же Святом озере произошла новая битва — уже с польскими захватчиками. 1609 год, разгар Смутного времени. В Костроме кипит бунт против обосновавшихся в городе ставленников второго Лжедмитрия — Тушинского вора: ставленники оказались под стать «боссу» и тоже были, по сути, банальным ворьем. Разгромленные тушинцы бегут в Ипатьевский монастырь, начинается долгая осада... Небезызвестный шляхтич Лисовский с конными отрядами своей «литвы» выступает в роли «сил быстрого реагирования». Несколько месяцев раньше ему уже удалось кавалерийским наскоком подавить восстание в Костроме, но теперь горожане подготовились к сюрпризам, и во второй битве у Святого озера Лисовского отбрасывают. Через некоторое время взят и Ипатьевский монастырь...

Эта древняя обитель сейчас, наверное, самая известная костромская достопримечательность. Считается, что основал её примерно в 1330 году татарский мурза Чёт (в крещении Захария), основатель рода Годуновых — этим объясняется покровительственное отношение к монастырю царя Бориса. В смуту, после освобождения от поляков, в монастыре укрывался отрок Михаил, будущий первый царь из династии Романовых — этим, соответственно, объясняется покровительство с их стороны. 13 марта 1613 года в Ипатьевский явилась большая делегация — посольство Земского собора. Бояре и Духовенство били челом 16-летнему Михаилу, звали на царство в Москву... Стеснительный юноша некоторое время колебался, хотя все понимали, что скорее для виду, ибо всё было решено, прямо скажем, за него. Так Ипатьевский монастырь стал «колыбелью дома Романовых»... А дальше произошло то, что известно без преувеличения всем, даже тем, кто слыхом не слыхивал мудреного слова «Кострома».

...О подвиге костромского крестьянина Ивана Сусанина сложно столько легенд, что теперь уже трудно определить, где правда, а где вымысел. С детства, кажется, мы знаем, что этот человек завёл отряд польских интервентов, коих тогда по Руси шло великое множество, грабящих и выжигающих

всё на своём пути, в непроходимые болота. Там и принял от разъярённых врагов мученическую смерть. Однако, почему именно к Сусанину обратились поляки?

Дело в том, что отряд рыскал по всей округе в поисках Михаила Фёдоровича, только-только призванного на царство и теперь едущего из одной своей вотчины в другую, спасаясь как раз от таких «летучих отрядов» — отправиться в Москву он тогда ещё не мог.

Сусанин же был, судя по всему, приказчиком в имении Романовых в селе Домнино. Царь, по одной из версий, в тот момент укрывался именно там. Врагов надо было увести подальше и желательно совсем. Вряд ли имело смысл просто кружить по лесу — Сусанин не мог не понимать, что отряд в несколько десятков человек легко нашёл бы обратный путь по своим же следам. Так что альтернативы болоту не было. Именно большое болото в окрестностях Домнина — его именуют Чистым — считается местом знаменитого подвига и мученической кончины Сусанина.

Подвиг крестьянина в отечественной историографии оценивали по-разному. Одни склонны трактовать его как проявление общего духа патриотизма русского народа в то тяжёлое время, когда сама государственность была поставлена под угрозу. Другие сводят поступок Сусанина к «простой» жертве

отдельно взятой личности во имя молодого царя... хотя, если честно, что ж в самопожертвовании такого простого?

Со временем Михаил Романов наградил семью Сусанина — сохранилась жалованная грамота, согласно которой ближайшие родственники героя были пожалованы землей и освобождены от уплаты любых налогов и податей. Подвиг крестьянина воспел М.И. Глинка в знаменитой опере «Жизнь за царя», Сусанину поставили памятник и даже назвали в честь него центральную площадь Костромы — уникальная для дореволюционной России честь, оказанная выходцу из крестьянской семьи.

О деревянном зодчестве, Мазае и ушедшем

Гуляя по Ипатьевской слободе, нельзя не зайти в музей деревянного зодчества — один из лучших в нашей стране. Такие музеи стали появляться в различных уголках России в 60-е годы. Именно тогда начали собирать образцы деревянной архитектуры в Суздале, в Костроме, в Кижях, в Малых Корелах под Архангельском...

В Костроме музей разместили прямо за Ипатьевским монастырем, который сам тогда был Историко-архитектурным музеем-заповедником (строго говоря, первые экспонаты туда свозили уже в середине 50-х годов). Так на берегах тихой речуш-

ГОРОДА РУСИ

ки Игуменки появилась деревенская улица с избами, каждая из которых сама как произведение искусства, с мосточками, церковью... Все эти постройки перевезли из костромских деревень — многих уж нет на карте, утопли в водах Горьковского водохранилища... Каждую избу оформили как жильё того или иного ремесленника — гончара, кузнеца, или простого крестьянина — с маленьким огородом, хлевом для скотины, ткацким станком, за которым учились работать девочки, что называется, с молодых ногтей. Ходишь по этим избам, любуешься их резными фасадами, смотришь и слушаешь рассказы смотрительниц — и живо представляешь себе весь непростой уклад деревенской жизни. Старые обычаи и традиции. Как жили, растили детей, хозяйство вели...

Так, неожиданно можно узнать, что слово «закуток» происходит от слова «кут» — место у входа, под полатами, где мужчины зимой своими ремеслами занимались и где ютились незваные гости, пока их не приглашали в передний угол.

Есть здесь и купеческие избы, и ветряные мельницы — шатровка и столбовка (на сваях), и часовни, и церковь — Илии Пророка с расписными тяблами, холщовым «небом» и резной с позолотой сенью над плащаницей. Или вот ещё древняя — середины XVI века — церковь Пресвятой Богородицы. В

своём «родном» селе Холм она стояла на возвышении, а здесь, правда, зажата между обычными жилыми домами Ипатьевской слободы.

«Жемчужиной» музейной коллекции в прошлом считалась уникальная церковь «на курьих ножках», Преображенский храм из села Спас-Вёжи... В этом месте память щёлкает и услужливо выдаёт: «В августе, около Малых Вежей»... Да, всё так, аккуратно в тех болотистых низменных краях Некрасов и старый Мазай наводили шороху на дупелиный выводок. Поэт называл деревню Малыми Вежами, потом закрепилось «Спас-Вежи», хотя, строго говоря, и то, и другое неправильно. Спас — это село, а Вёжи — прилегающая к нему деревня, именно так, через «ё», и никаких ни Малых, ни Больших.

Бесполезно искать Вёжи на карте. Ныне историческая деревня покоится на дне Горьковского водохранилища. Одинок на берегу затона стоит пустое, вымершее село-сосед Вёжей — Спас, скорее по традиции, чем по факту наносимое на географические карты...

Нет и церкви. Советские реставраторы, от греха подальше, поставили её в самом Ипатьевском монастыре — под защитой стен. Храм любили показывать экскурсантам, считали одним из символов Костромы, без него не обходился ни один путеводитель, ни один набор открыток... Но спасённая от воды погибла

Спасская на Сваях церковь от огня. Сгорела на заре нового тысячелетия, в 2002 году, когда монастырь уже снова был монастырем, при невыясненных и нелицеприятных обстоятельствах. Музейщики винили монахов — мол, их трудники курили на деревянном крыльчке. Насельники валили на музейщиков — якобы закурил их экскурсант... Хотя, справедливости ради, церковь стояла в «Новом городе» монастыря, целиком отданном обители, посторонние туда не допускались... Этот пункт исполняли столь ревностно, что даже пожарным воротам открыли не сразу, а когда всё-таки открыли — огонь полыхал вполнеба, спасать приходилось уже не храм, а все окружающее.

Так и осталось от Вёжей только упоминание в стихах Некрасова. Который — известно же, был в гимназии «двоечником» — ошибся не только в названии, но и в географии: «за сорок вёрст в Кострому пряником» ну никак не мог бегать старина Мазай из деревни, от которой до города даже по петляющей дороге двадцати вёрст не будет. Этак, знаете, «пряником» можно в Кострому было и через Ярославль бегать.

И всё-таки в здешних краях ревнуют к Карабихе. Точнее — к недавно открытому в мемориальной Некрасовской усадьбе детскому музею деда Мазая. На каком основании, негодуют, и, надо признать, спра-

ведливо, костромича Мазайхина под Красными Ткачами прописали? Нет, видать, сбегал всё-таки старик в Кострому через Ярославль...

Сказки и были Костромы

Кострома много потеряла в советское время. От многочисленных приходских храмов, формировавших облик города, особенно при взгляде с другого берега Волги, остались считанные единицы. Грандиозный кремлевский соборный комплекс снесли до основания, на недостроенную часовню в честь дома Романовых водрузили статую Ленина. Немного некультурно получилось: деревья разбитого на месте соборов парка подросли, достигли самых пят вождя, оттого кажется, что Владимир Ильич стоит прямо на кронах. Утратив архитектурные акценты — частокол колоколен, Кострома стала «плоской», как «Сковородка» (здесь это слово с большой буквы: так горожане называют центральную площадь за специфическую планировку). Словно бы притаилась Кострома, переживая утраты — не каждому раскроется. Тут не глазами хлопать, а сердцем чувствовать надо. Праздному путнику после Ярославля да Ростова может даже показаться скучновато... Полно, да так ли это? Никакого туристического дня не хватит, чтобы обойти в Костроме даже не все — только всё самое интересное. Дивная Дебря с её Вос-

ГОРОДА РУСИ

кресенской церковью, потрясающей снаружи и внутри. Та же «Сковородка» с уникальной пожарной каланчой — ещё один символ города, слава Богу, сохранившийся. Столь же уникальные торговые ряды — огромный комплекс, просто-таки ГУМ начала XIX века. А истории о знаменитом костромском купечестве! А музеи, переносящие нас в дворянскую эпоху! А сочные фрески Силы Савина и Гурия Никитина! А виды на Волгу!..

Нет, не случайно Кострому называют «душой России». Ведь именно в душе у каждого есть потаённый уголок, где живёт вера в чудо, вера в сказку. Так и Кострома... полюбилась Снегурочке Александра Николаевича Островского. В Костромской губернии было имение драматурга — Щельково, ныне музеев. А Снегурочка решила обосноваться в самой Костроме. Её друзья — фольклорные персонажи, без которых немислима деревенская жизнь, построили ей терем. Ну, а Снегурочка всех их пустила к себе жить. Да и любой желающий вне зависимости от возраста — желанный гость в её доме. Приходите, познакомьтесь лично с Котом Баюном, сказки его послушайте, с Домовым и Домовихой, со всевозможными Банниками, Болотницами и Шептунами. Загляните в кабинет Снегурочки: целый год она общается с детьми и взрослыми через Интернет и социальные сети —

прогресс даже до сказочных персонажей дошёл! А потом можно в ледяную комнату спуститься. Там действительно всё из чистейшего льда заповедного озера Таватуй, что под Екатеринбургом — стены, статуи и даже чарки, которые подносят гостям!

А ещё Кострома сльвет льняной и сырной столицей России. Лён выращивали здесь, когда ещё и города в помине не было. Ведь это растение едва ли не единственное доступное в нашей полосе сырьё, не считая шерсти животных, из которого можно получить нить для изготовления ткани.

Культивировать лён — дело трудоёмкое. Про лён говорили, что он вымотает, но и озолотит. А путь от полутораметрового стебля с голубыми цветочками до рубахи или сарафана был поистине долог. Ведь лён убирали вручную — «теребили». Его вырывали с корнем, часть стеблей оставляли в поле (с голого поля — голье уродится). Потом выбирали из остальных стеблей волокна. Это был долгий процесс, поскольку волокна как бы приклеены к стеблю, и чтобы отделить их, растение приходится долго мять. А потом трепать и несколько раз чесать. Получались кудели, из которых пряли нить.

Статистика гласит, что в конце XVIII века в Костроме было 22 полотняные фабрики. Позже их стали оснащать механическими станками,

которых через полтора столетия насчитывалось уже несколько тысяч. А что касается веретен прядильного производства, то здесь было больше, чем в Швеции, Дании и Голландии вместе взятых!

Конечно, условия труда на льняных фабриках были тяжёлыми — предприятия не закрывались даже ночью, а каждая смена длилась порой по 18 часов. В таких обстоятельствах стачечное движение революционных лет не могло пройти мимо Костромы.

В советское время льняная промышленность переживала настоящий расцвет. Костромичи выполняли план, сеяли всё больше льна, фабрики обрастали жилыми кварталами и, что называется, инфраструктурой. Появлялись новые микрорайоны, изменилась сама архитектура города. Да и сейчас, по статистике, треть всего российского льна производится именно в Костроме. И шестая часть европейского, к слову, тоже.

Что же до сыра, то с ним сложное: отечественное сыроварение — дело совсем молодое, ему и двух веков ещё не исполнилось.

Изначально сыр в нашей стране производили исключительно иностранцы, продавали его за баснословные деньги и делились секретами его изготовления с русскими предпринимателями не желали. Но нашёлся один не самый богатый человек, который не стал терпеть подоб-

ную дискриминацию. Человека звали Николай Васильевич Верещагин (знаменитому художнику-баталисту он приходился братом). Верещагин «заразил» своих друзей идеей развить сыроваренную промышленность, и товарищи «поделили» Европу, поехав постигать премудрости этого ремесла за границей.

Вернувшись, полученные знания стали применять на практике. Верещагин создал экспериментальную артель в Тверской губернии, затем открыл школу сыроварения недалеко от Конакова... Производил отличные сыры, сгущенное молоко (неведомое доселе лакомство) и сливочное масло. Мало кто знает, что знаменитое сегодня вологодское масло начали изготавливать как раз на мощностях верещагинских предприятий! Но это потом. А пока в конце 70-х годов XIX века один из товарищей Верещагина — Владимир Бландов «осел» в Костроме, где и запустил собственную сыроварню. Всего четыре работника за первый год существования предприятия произвели 800 пудов (почти 13 тонн) сыра!..

Традиции сыроварения здесь помнят и сегодня, выпуская несколько сортов сыра, которые регулярно берут медали на всевозможных выставках. Вполне заслуженно, в чём может убедиться каждый — достаточно прийти в Мучные ряды, где расположилась Сырная биржа. Традиции не умирают.

ГОРОДА РУСИ

